TIKHONOV V.V.

DOCUMENTS ON THE HISTORY OF CAMPAIGNS AGAINST "OBJECTIVISM" AND "COSMOPOLITANISM" (1948-1950) IN THE PERSONAL PAPERS OF HISTORIANS IN THE ARCHIVE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

В.В. ТИХОНОВ

АРХИВ РАН: ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ ИСТОРИКОВ О КАМПАНИЯХ БОРЬБЫ С «ОБЪЕКТИВИЗМОМ» И «КОСМОПОЛИТИЗМОМ». 1948-1950 гг.

Annotation / Аннотация

The article reviews the documents on the history of ideological campaigns against "objectivism" and "cosmopolitanism", preserved in the personal papers of historians in the archives of the RAS. We consider the transcripts, correspondence, diaries, preserved in the collections of E.N. Gorodetsky, B.B. Kafengauz, I.A. Kudryavtsev, A.M. Pankratova, M.N. Tikhomirov, V.M. Khvostov, A.I. Yakovlev. The importance of detected materials, which supplemented documents

of scientific and educational institutions are showed.

Статья посвящена обзору документов по истории идеологических кампаний по борьбе с «объективизмом» и «космополитизмом», сохранившихся в личных фондах историков в Архиве РАН. Рассматриваются стенограммы, переписка, дневники, сохранившиеся в фондах Е.Н. Городецкого, Б.Б. Кафенгауза, И.А. Кудрявцева, А.М. Панкратовой, Ф.В. Потемкина, М.Н. Тихомирова, В.М. Хвостова, А.И. Яковлева. Показывается важность обнаруженных материалов, дополняющих документы фондов научных и образовательных учреждений.

Keywords / Ключевые слова

Ideological campaigns, objectivism, cosmopolitanism, funds of historians, Archive of the Russian Academy of Sciences. Идеологические кампании 1948-1950 гг., «объективизм», «космополитизм», личные фонды историков, Архив РАН.

ТИХОНОВ Виталий Витальевич – научный сотрудник центра Историческая наука России Института российской истории РАН, кандидат исторических наук, г. Москва; 8-905-515-25-23; tihonovvitaliy@list.ru

Первое послевоенное десятилетие в истории нашей страны – период сложный и неоднозначный. На фоне постепенного перехода к мирной жизни советское общество продолжала сотрясать череда идеологических кампаний. В исторической науке уже есть работы, посвященные данной теме, но остается немало проблем, изученных недостаточно либо не изученных вообще. К ним относится и влияние идеологических кампаний на советскую историческую науку.

В последние годы в историографических исследованиях отчетливо проявилась тенденция к усилению интереса к первому послевоенному десятилетию. В своих работах историки, анализируя сложные процессы развития исторической науки в данный период, все более склоняются к точке зрения, что советскую науку нельзя рассматривать упрощенно только как жертву или служанку «тоталитарной системы». В центре внимания исследователей оказываются проблемы адаптации или интеллектуального сопротивления историков, их повседневная жизнь и межличностные коммуникаций, корпоративная этика. Сообщество историков представляется как сложная система, где существуют различные группы, сотрудничающие и борющиеся за научное влияние. Большой популярностью продолжают пользоваться работы, посвященные изучению персоналий. Все отмеченные выше тенденции можно обозначить термином «антропологизация» историографических исследований. В этой связи важнейшей проблемой становится формирование адекватной источниковой базы, позволяющей решать поставленные вопросы. Единственным источниковедческим исследованием, раскрывающим тему «Идеологические кампании послевоенного времени и историческая наука», остается диссертационная работа М.А. Леушина, в которой автор проанализировал документы ЦК ВКП (б) – КПСС 1945-1955 гг. как источник по истории исторической науки. В ней рассматриваются документы РГАСПИ, РГАНИ, ЦАОДМ .

Из печати уже вышло определенное количество документальных публикаций и воспоминаний, касающихся в том числе и вопросов влияния идеологических кампаний на советскую историческую науку. Но до сих пор главным источником в освещении и осмыслении событий послевоенного времени продолжают оставаться воспоминания историков. Остро полемичные, с диаметрально противоположными оценками лиц и явлений они рисуют противоречивую и эмоционально окрашенную картину. Очевидно, что опубликованных документов недостаточно для реконструкции и адекватной интерпретации проблемы.

Для изучения советской исторической науки используются фонды научных учреждений, нередко привлекаются материалы идеологических органов. Но зачастую вне поля зрения исследователей (если речь не идет о реконструкции научной биографии

ученого-историка) оказываются документы, отложившиеся в личных фондах историков. Между тем, они позволяют рассмотреть проходившие кампании с точки зрения их непосредственных участников, пролить свет на многие неясные моменты, заполнить имеющиеся фактические пробелы. Большинство фондов советских историков хранится в Архиве Российской академии наук (АРАН) . Разберем наиболее интересные и информативные из них.

В фондах отложились различные материалы, имеющие прямое отношение к идеологическим кампаниям. Особенно много удалось обнаружить стенограмм заседаний и собраний различных научно-исследовательских и образовательных учреждений. Их значительное количество во многом объясняется тем, что стенограммы присылались участникам для дальнейшей правки. Но была и другая причина: участники дискуссий старались сохранить стенограммы для того, чтобы в последующем представить их в качестве свидетельства своей «правильной» позиции, использовать их против недоброжелателей, подготовиться к новым дискуссиям, написать на их основе статьи. Ценность стенограмм, отложившихся в фондах историков, увеличивается еще и потому, что многие из них отсутствуют в фондах учреждений, либо поиск их затруднен.

Любопытные документы можно обнаружить в фонде академика А.М. Панкратовой. Она занимала важные посты в исторической науке, поэтому оказалась в центре проходивших кампаний, в которых ее задачей было донесение идеологических директив до широкой научной общественности. Это отразилось в ее докладах в различных научно-образовательных учреждениях на следующие темы: «Об идеологических задачах советской исторической науки» (доклад на заседании Ученого совета Института литературы 24 марта 1949 г.) ; «Борьба против буржуазного национализма и космополитизма в исторической науке» (лекция в Минске 2 апреля 1949 г.) ; «Постановление ЦК ВКП (б) по вопросам идеологической работы» (лекция в Обществе по распространению политических и научных знаний 17 мая 1950 г.) ; «О задачах исторической науки в свете решений XIX съезда партии и труда И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”» (доклад в Институте истории АН СССР в ноябре 1952 г.) и др. Частично материалы фонда уже были использованы и введены в научный оборот .

В фонде Ф.В. Потемкина сохранилась неправленая стенограмма объединенного заседания исторических кафедр Высшей партийной школы (ВПШ) при ЦК ВКП (б), состоявшегося 4-6 апреля 1949 г. Известно, что проработки в ВПШ серьезно повлияли на судьбу Е.Н. Городецкого и К.В. Базилевича. Последний после проработок заболел и в 1950 г. умер от инфаркта. В стенограмме отражен ход заседания, попытки обвиняемых защититься. Данный источник существенно дополняет материалы личного фонда Е.Н. Городецкого, уже использованные А.Л. Юргановым .

Фонд Е.Н. Городецкого содержит заявления в партком ВПШ при ЦК ВКП (б), в партком МГУ, в Отдел пропаганды и агитации, написанные в разгар антикосмополитической кампании . В них историк требует аннулировать выдвинутые в ходе проработок в ВПШ и МГУ обвинения, а также рассмотреть с точки зрения партийной этики поведение его критиков. К заявлениям приложен экземпляр газеты «Сталинец», печатавшейся в ВПШ. Номер за 26 марта 1949 г. посвящен борьбе с космополитами. В передовой статье «До конца разоблачить космополитизм в преподавании и научной работе. С партийного собрания преподавательского состава» подробно освещен ход собраний. Здесь же можно обнаружить статью ученицы Е.Н. Городецкого Л.А. Зак в его защиту . Статья так и не была опубликована. Картину гонений на ученого дополняют его объяснительная записка в ЦК ВКП (б) по поводу анонимного письма 1949 г. о помощи репрессированному Л.Э. Разгону (брату известного историка И.М. Разгона) и заявление в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП (б) с объяснением по поводу обвинений в ошибках, допущенных при издании сборников исторических документов. В последнем историк признал свою вину в том, что допустил политические ошибки, напечатав документы не только большевиков, но и других партий. Все это прекрасно иллюстрирует археографическую практику тех лет, когда даже документальные публикации строились по принципу партийности.

Необходимым дополнением к стенограммам заседаний и переписке с партийными и властными инстанциями являются источники личного происхождения, в первую очередь дневники. Сразу заметим, что неспокойное время, когда дневник мог стать важным источником обвинения, не способствовало их ведению. Например, в недавно опубликованном дневнике И.И. Минца, достаточно подробном и информативном,

отсутствуют записи периода гонений на него в годы идеологических кампаний, носивших заметный антисемитский оттенок. Есть только одна заметка 18 июля 1947 г., в которой он горько пишет об отставке из Секретариата Истории гражданской войны . Казалось бы, именно в такое время дневник – лучшее средство для рефлексии и осмыслении происходящего. Но И.И. Минц понимал, что в случае ареста дневник будет использован против него.

Тем не менее, в Архиве РАН сохранились дневники Б.Б. Кафенгауза (Ф. 1580) и М.Н. Тихомирова (Ф. 693). Дневник Б.Б. Кафенгауза отличается предельной сухостью и лаконичностью, автор предпочитает только фиксировать события. Лишь однажды он дает оценку событиям. После совещания в Институте истории, прошедшее с 15 по 18 октября 1948 г. и посвященное борьбе с «буржуазным объективизмом», на котором критиковали С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, Н.Л. Рубинштена, С.Я. Лурье, С.Н. Валка и многих других, он записал: «Об этих заседаниях осталось тягостное настроение» .

В дневниковых записях М.Н. Тихомирова, наоборот, много подробных характеристик историков и событий, они полны горькой иронии и часто негодования от происходящего. Он сам оказался одним из объектов для критики: его учебник для педагогических вузов, написанный совместно с С.С. Дмитриевым, в 1948 г. был объявлен идеологически вредным. В разгар борьбы против «буржуазного объективизма» он записал: «Сейчас все разделились на две группы: тех, кто пишет и кого ругают, и тех, кто ничего не пишет, но зато всех ругают. Сегодня я встретил знакомого профессора и спросил его: «как живете?» Ответил: “Хорошо, потому что ничего не пишу”» . Узнав о критике в «Литературной газете», ставшей одним из главных рупоров идеологических кампаний, деятельности директора Института этнографии С.П. Толстова, М.Н. Тихомиров дал ей следующую характеристику: «Незавидная роль этой газеты, где находит приют всякий злой бездельник» . На гонения Д.С. Лихачева он откликнулся такой записью: «Человек терпит большие нападки от ничтожных личностей, как раз тогда, когда он начал много работать. Конечно, кто много работает, тот и ошибаться может много, но неучам лучше быть безошибочным человеком ничего не делая, а таких спекулянтов от науки, к сожалению, не мало» . Впрочем, некоторые показательные акции он одобрял. Так, с удовлетворением он принял критику в «Большевике» журнала «Вопросы истории» в 1952 г. Он считал, что вокруг главного научно-исторического печатного органа давно «образовалась какая-то стая, шла откровенная торговля рецензиями» .

Среди источников личного происхождения для рассматриваемой тематики заслуживают внимания и письма М.Н. Тихомирова своему ученику А.П. Пронштейну, впоследствии известному источниковеду, профессору Ростовского университета. Они вновь показывают, насколько сложны были личные отношения среди историков, насколько проходившие кампании сталкивали человеческие судьбы и ломали научные карьеры. Например, в письме от 5 февраля 1950 г. он описывает следующий эпизод: к нему в гости пришли Г.Н. Анпилогов и И.М. Разгон. Первый был одним из самых активных критиков учебника М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева, поэтому теплых чувств Тихомиров к нему не питал. Но ситуация изменилась: теперь Г.Н. Анпилогова обвинили в том, что он потворствовал академику И.И. Минцу в его «антисоветской деятельности». Бывший критик пришел попрощаться перед своим отъездом в Венгрию, куда его отправили в почетную ссылку. «Первый момент смущения прошел, мы посидели и выпили даже, конечно, я не пил за немощью. По своей оптимистической склонности я был все-таки доволен этим визитом. В конце концов, ведь не в нем же одном дело, хотя я ему и сказал откровенно, что мне он сделал большую неприятность» . В письме от 12 марта 1950 г. М.Н. Тихомиров описал похороны К.В. Базилевича и С.В. Бахрушина. Он прямо указал на то, что именно проработки во время идеологических кампаний ускорили их смерти: «Конечно, все эти статейки были только последней каплей, здоровье их было подорвано большой работой, но все сложилось плохо» .

Документы личных фондов зачастую позволяют проследить судьбы многих гонимых. Так, член-корреспондент АН СССР А.И. Яковлев, обвиненный в идеализации своего учителя В.О. Ключевского , в 1950 г. написал обстоятельное письмо президенту академии С.И. Вавилову, где отметал все обвинения в «буржуазном объективизме» и напоминал о своих заслугах перед наукой . И тот действительно заступился за опального историка. Во всяком случае, в фонде С.И. Вавилова сохранилось письмо Яковлева с благодарностью .

Архивные источники позволяют атрибутировать важнейшие директивные статьи, направлявшие ход идеологических кампаний. Например, в ходе изучения материалов историка И.А. Кудрявцева (Ф. 1690), проработавшего продолжительное время в редакции журнала «Вопросы истории», выяснилось, что он был одним из авторов нескольких печально известных передовиц журнала. Например, таких как «Об образовании Русского централизованного государства» и «Против объективизма в исторической науке» . Архивные изыскания подтвердили информацию, данную известным историком Е.Н. Кушевой в 1949 г. в письме своему ленинградскому коллеге Б.А. Романову, в котором она охарактеризовала Кудрявцева следующим образом: «Ни одной его научной статьи не знаю, он известен лишь как автор некоторых анонимных передовых статей «Вопросов истории». Преподает в Педагогическом институте [МГПИ – В.Т.], читает курс. На меня он всегда производил впечатление человека, который сознает этот свой дефект – неумение вести исследовательскую работу – и озлоблен на тех, кто пишет и печатает» .

С несколько неожиданного ракурса позволяют осветить проходившие кампании документы, обнаруженные в фонде академика В.М. Хвостова и показывающие процесс написания школьного учебника по Новой истории . Заметим, что анализ влияния идеологических кампаний послевоенного времени на школьные учебники по истории – тема до сих пор незатронутая. В источниках отразились многие перипетии создания учебника.

Школьный учебник писался авторским коллективом в составе В.М. Хвостова, И.С. Галкина, Л.И. Зубока, Ф.И. Нотовича. Его делали довольно долго, каждая оценка или характеристика тщательно подбирались. В целом он был закончен еще до войны, и значительное внимание в нем уделялось разоблачению колониальной политики «империалистических стран». Но во время войны, когда «империалистические страны» стали союзниками СССР, у авторов потребовали смягчить риторику. Из текста были убраны слова «захваты» и «захватническая политика» Великобритании и США.

Наконец, в 1946 г. учебное издание под редакцией В.М. Хвостова и Л.И. Зубока увидело свет. Следуя предписаниям «Замечаний о конспектах школьных учебниках» (1936), авторы начинали учебник с франко-прусской войны и Парижской коммуны. Они в целом соблюли предъявленные к ним требования. Важным элементом текста были цитаты классиков марксизма-ленинизма (с преобладанием сталинских). В учебнике всячески подчеркивались признаки «кризиса капитализма», огромное внимание уделялось рабочему движению.

Но вскоре политическая ситуация изменилась. В газете «Культура и жизнь» появилась статья Н. Яковлева об учебниках по истории . Значительное внимание в ней было уделено учебнику «Новая история». В статье авторы учебника критиковались за использование термина «объединение» Германии, хотя рекомендовалось использовать «воссоединение». Л.И. Зубок и В.М. Хвостов незамедлительно послали письмо главе Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.А. Александрову. В нем они объясняли, что термин «объединение» использовался в «Истории дипломатии», удостоенной Сталинской премии, поэтому они сочли возможным его применить. Отсутствие уничижительных эпитетов в отношении английского и американского колониализма объяснили следующим образом: «Все эти и гораздо более резкие выражения имелись в учебнике, подготовленном еще до войны. Однако, когда во время войны учебник перерабатывался перед сдачей рукописи в набор, нам было предложено директивными органами смягчить тон в отношении Англии и США и наши формулировки были соответственно изменены» .

Учитывая то, что учебник был предназначен для 9 класса общеобразовательной школы, Министерство просвещения организовало его широкое обсуждение. Наиболее активному обсуждению было подвергнуто третье издание 1948 г. В адрес авторов, кроме нередко вполне уместных замечаний методического характера, прозвучала серия и политических обвинений, главным из которых стало типичное для того времени обвинение в объективизме. Подобный поток критики привел к тому, что учебник необходимо было постоянно переписывать. В него добавлялись антиамериканские и антианглийские мотивы. Кардинально, а главное идеологически верно, поменялся раздел о техническом развитии в последней трети XIX в. Если в первом издании

рассказывалось об открытиях Дизеля, Рентгена, Маркони и т.д., то теперь провозглашался приоритет русских изобретателей.

Таким образом, документы персональных фондов историков служат серьезным подспорьем в изучении советской исторической науки в условиях идеологических кампаний. Безусловно, источники зачастую фрагментарно отражают проходившие события, но в то же время они существенно дополняют архивы учреждений, а источники личного происхождения позволяют взглянуть на проблему глазами участников. Дальнейшие поиски в личных фондах сулят немало интересных находок.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .